

Путь по Волге В 1851 году

Знаете ли вы Волгу, езжали ли по ней, любовались ли с неё прохождением и захождением солнца, прислушивались ли к плеску её волн, то тихих, то бурных, видали ли вы её, красавицу рек, к которой обращаются народные песни и восторги русских поэтов? Посмотрите на неё, полюбуйте её красотами хотя бы на том небольшом пространстве, по которому мы поведём вас! Начнёмте путь наш от Ярославля. Мы садимся в лодку, которая отправляется в Нижний Новгород. Она пуста ещё, без клади, за которою она и идёт туда, и потому в ней много свободного места для пассажиров. Сядемте же: она повезёт нас скоро вниз по течению и с помощью попутного ветра. Путь наш недалёк. Мы остановимся в одном небольшом городке, в ста верстах от Костромы и в шестидесяти от Юрьевца.

Эта лодка носит родовое название кладнушки, но у неё есть свои видовые имена: тихвинка, романовка. То или другое имя своё она принимает от известного рода особенностей в её форме: эти особенности весьма мелки и неудобнообъяснимы, а потому мы не будем говорить о них; но вот общий характер кладнушки: размер её в длину около шести сажен, в ширину около трёх и в глубину не более двух; она снабжена одною мачтой и одним парусом, иногда с топселем, как и все вообще волжские суда; на всём пространстве своим от носа до кормы она крыта; крышка эта почти плоская или немного выгнутая, под нею-то и скрывают ту кладь, которою и нагружат её где нужно, а пока она не загружена, мы весьма удобно можем поместиться под нею со всеми своими вещами, а если вы любите комфорт в пути, то можете расставить там стол, стулья и под звук плещущие волн и бурлацких песен кушать неизменный русский чай. На палубе этой лодки отгорожено небольшое помещение, в которое ход через узкую западню — это казёнка: вам не уступят её, она принадлежит лоцману и гребцам. Там хранится их одежда и небогатый питательный запас, состоящий из лука и ситника — полубелого хлеба. Снаружи на крышке лежит свёрнутый пока парус и прочие необходимые снасти. На вершине мачты развивается флюгер из двух или разноцветных лоскутков. Кладнушка стоит пока в пристани, на якоре, ожидая пассажиров. Вид ярославской пристани красив и оживлён. Она образовалась при впадении Которости в Волгу. По берегу, прилежащему к устью Которости, и в самом устье, на довольно большое пространство вверх, расставлены

разной величины и формы суда. Здесь вы увидите и конные машины с десятком и более длинных и широких подчалков, и множество мокшанов, расшив, барок, кладнушек, завозень. Формы всех этих судов просты и довольно грубы. Устройство конных машин весьма незатейливо: в середине большого судна вертится огромный ворот посредством лошадей, припряженных к рычагам; на верхнюю часть этого ворота наворачивается, по мере движения его, толстый канат, другой конец которого прикреплен к огромному якорю, брошенному на дно реки на расстоянии нескольких сот сажен впереди судна. Очевидно, что при таком механизме движение не может быть быстро, и машина в продолжение суток не делает более 25 вёрст. Таким же точно образом приводятся в движение мокшаны, когда они идут вверх, против воды, только с тем различием, что место лошадей заступают бурлаки и тащат канат не посредством ворота, а посредством лямок, привязанных к канату. Большею же частью тащат против воды мокшаны, расшивы и прочие суда бечевою, разумеется, пока не поднимается попутный ветер. Все эти суда формою своею близко подходят к описанной уже нами форме кладнушек, разумеется несколько разнообразясь отделкою. Все они имеют по одной мачте, парусу и топселю, но на мокшанах и расшивах вы увидите красивенькие домики, вроде карточных, построенных для хозяина судна, иногда сопровождающего его в пути; чем больше судно, тем больше и красивее его флюгер, который иногда заменяется каким-нибудь изображением, вырезанным из жести и раскрашенным. Носы судов и бока их часто весьма прихотливо раскрашиваются яркими красками, а по бокам носа рисуют необычайной величины и неестественного цвета и формы глаза. Количество рабочих, нужное для судна, зависит от тяжести клади и величины самого судна: на мокшане, совершенно нагруженном, число работников простирается до 200 человек.

Но, однако, пора в путь. Спросите о цене. Если вы желает нанять судно для одного себя, то с вас от Ярославля до Кинешмы возьмут 5 или 6 целковых, но если вы не тяготитесь разнообразным обществом и будете довольствоваться небольшим местом под крышей лодки, то с вас возьмут не более 50 копеек.

— А скоро отправляется лодка? — спрашиваете вы лоцмана или хозяина лодки.

— Через час или полтора! — отвечают вам почти всегда. — Поторапливайтесь, дожидаться не будем!

И вы ужасно спешите, на скорую руку прощаетесь со своими друзьями; ровно через полтора часа вы на набережной и опасаетесь, не

уехала ли лодка. Не бойтесь: её флюгер по-прежнему развеивается на мачте, якорь ещё не поднят, и на лодке вы не замечаете никакого движения, предсказывающего скорое отплытие лодки.

Часто вы не застаете ни лоцмана, ни работников. «Где же все они?» — спрашиваете вы у своего будущего товарища по путешествию, который, также напуганный скорым отъездом лодки, поторопился ещё больше вашего и давно уже занял своё место. — «Ушли!» — отвечает он угрюмо. — «Куда же?» — «А кто их знает!» — И вы пока приискиваете себе удобное место. Проходит долгий час ожидания. Наконец является один из работников с большой охапкой луку в одной руке и хлебом в другой. — «Что же, братец, скоро отправляемся?» — «Не знаю!» — отвечает он и проходит мимо, не достаивая вас взглядом. — «Да где же твой хозяин?» — «Ушёл в город покупать сапоги!» — «Да разве он не мог сделать этого прежде?» — И снова: «Не знаю!» — или презрительное молчание. Но вот наконец собираются все работники, а лоцман все ещё не приходил. — «что ж, скоро ли мы отправимся?» — «Скоро!» — «А как скоро?» — «Да часа через полтора, раньше не отвалим!» И бурлаки располагаются обедать: толкут в деревянной чашке зелёный лук, наливают его водою. Не морщитесь: аппетит их так силен, что вам самим захочется попробовать их нероскошного обеда, за ужином же их ожидает каша с постным маслом.

Но между тем лодка всё ещё стоит на месте. Полюбуйтесь пока на красивый Ярославль. Как хороша его набережная, обнесенная чугуною решёткой, обсаженная липами, чистая, опрятная.

На углу, образованном впадением Которости в Волгу, стоит огромное здание Демидовского лицея. А рядом с ним красуется златоглавый собор. По ту сторону Которости и по берегу Волги поднимаются каменные здания, частные и казённые. Корость, извиваясь, исчезает из ваших глаз, закрываемая с одной стороны прилежащими к ней домами, с другой — большими кладеницами дров, изготовленными на зиму.

Долго любовались вы красивым городом, но наконец внимание ваше утомлено одним и тем же предметом, и вы невольно обращаете его на будущих ваших спутников. Вот мирное купеческое семейство, собравшееся на богомолье в Бабайский монастырь, лежащий в 30 верстах от Ярославля, на правом берегу Волги. Два молодых лица среди этого семейства с веселыми улыбающимися физиономиями кажутся вам недавно обвенчанной счастливой четой, и, вероятно, её-то будущее счастье хочет освятить вся семья усердной молитвой. Вот какой-то молодец в синей чуйке, служащий приказчиком у купца одной из низовых губерний и

возвращающийся к своему делу после свидания с родными своими, живущими в Ярославле. С любовью смотрит он на свой родной город и с приветливой улыбкой говорит вам, указывая на него: «Каков городок-то? Ведь не хуже иной столицы?» А вон там, усевшись на самом носу лодки, едва лепится школьник, отпущенный на вакансию: весело прилаживает он удочку к длинной веревке, как будто надеясь дорогой выловить всю рыбу из Волги. Вот маститый старик, отправляющийся на дальнее богомолье: издалека идет он, много прошёл он пешком в своей грубой обуви, велик путь его впереди, и рад старик, что несколько сот вёрст пронесёт его Волга на покойном, колеблющемся лоне своём. С ним беседует о чём-то отставной служивый. Уютно уселся он на борт лодки с короткою трубкою в зубах и с глубоким вниманием слушает рассказ седого Путника. А вот, погрузившись в мягкую перину, покоится небогатая помещица, по делам своим приезжавшая в Ярославль. Она не любит пыли, тряских экипажей и больших издержек сухого пути, несравненно предпочитая им хотя и не такое верное и быстрое, зато дешёвое и покойное путешествие по Волге. Кругом её видите десятки коробок, картонов, узелков и кулёчков: необходимые принадлежности дальней поездки. Далее вы замечаете какую-то странную фигуру в длиннополом сюртуке, с лицом страшно истасканным; его нос рекомендует себя большим охотником до табаку. Он, не присоединился ни к которой из беседующих партий пассажиров но всех их оглядывает исподлобья своими тёмно-рыжими глазами. Это одна из тех личностей, которые сегодня бывают несчастьюгнетёнными существами, ищущими покровительства у человеколюбия и потерявшими его у закона, завтра бедными иностранцами позабывшими свой родной язык, а послезавтра в какой-нибудь еще новой форме.

Но вот наконец перед вечерком, является и лоцман. Если это человек угрюмый с виду, неразговорчивый, с повелительной и важной физиономией, значит, он давно уже занимается своим делом и искусен в нём — на него вы можете смело положиться: он знает Волгу от Твери до Астрахани, не ошибётся ни на одной мели, не натолкнётся ни на одну гряду, ни на один камень. Если, напротив, этот человек разговорчивый, с улыбающейся физиономией и размашистыми манерами — о, в таком случае опасайтесь его! Немудрено, что это новичок в деле, который опирается только на русское «авось» и на нехитрое умение повернуть рулем в ту или иную сторону. Но как бы он ни был, ваш будущий путеводитель, вы рады ему, предвидя скорое отплытие после продолжительного и скучного ожидания. И в самом деле, вот раздаётся наконец громкое воззвание лоцмана, обращённое к бурлакам: «молись Богу, молодежь!» — и

вслед за тем поднимается якорь, и искусным поворотом руля с помощью шестов, упёртых в берег, лодка ваша выходит в середину течения. Итак, вы наконец едете по Волге. Не посетило ли вашу душу какое-то особенное отрадное чувство, как будто вы увидели вновь после долгой разлуки любимое и родное вам лицо; не приготовляете ли вы любоваться с особенным наслаждением картинными разно-образными видами нагорного берега — с правой стороны и луговой — с левой; не говорит ли вашему сердцу как-то особенно сладко и отратно этот плеск волн?...

— Э, кажись, верховая подувает: давай-то Бог! Поднимайте-ка, ребята, парус!

И в самом деле, свежий, отрадный ветерок надувает ваш парус, ио напор его ещё не силен и наслаждение ваше впереди. «Ещё покольхивает, да, небось, разыграется! Э, э, родная, ну-ка, матушка, утешь!» — попутный ветер — счастье для бурлаков, и они дорожат им и любят его.

И вот порывы ветра всё сильнее и сильнее, парус надувается все крепче, движение лодки быстрее, и, наконец, вы летите по 10 и 12 верст в час. Сильно клокочут волны под носом вашего судна, быстро сменяются очаровательные картины берегов, особенно правого. Вот мелькнула красивенькая деревенька, как будто выбежавшая иа самый край высокого берега всем числом своих домиков любоваться на родную Волгу; вот село с позлащённым крестом высокой колокольни, вот помещичий дом какой-то фантастической архитектуры с множеством колонн и балконов, с мезонинами со всех четырех сторон; вот дремучий, почти не тронутый, сосновый лес глядит в воду; вот переливаются чудными цветами луга и перелески, вот золотое море спеющей жатвы, дорогая принадлежность Волги — всё это несется мимо, в чудной, ни с чем не сравнимой неопикуемой панораме. Левый берег между Ярославлем и Костромоу представляет огромное луговое пространство, на протяжении 30 верст, заливаемое в весеннее время водою. Этим разливом затопляются целые деревни, так что обитатели их, если не оставили заблаговременно своих жилищ, должны разъезжать на лодках.

Часто вода поднимает целые здания, и не раз случалось нам видеть в весеннее время деревенские избы, в целости несомые волнами. Тогда в этих местах Волга теряет характер реки и кажется Каким-то безмерным текучим озером, тогда страшна на Волге буря: тут не поможет и искусство кормчего. Белые волны поднимаются горами, оставляя под собой мрачные бездны; бурный ветер разгуливает с ужасающей силою на широком просторе, кидая по волнам оольшие суда, как щепы. Небо закутывается

мрачной пеленою, и несчастный путник не видит нигде ни маяка, ни берега: кругом ная, неукротимая стихия; и он наверно её жертва. Но нужно заметить, что подобные бури на Волге, в весеннее время, случаются весьма редко, и по большей части тогда дуют умеренные верховые ветры, так что суда, выступающие в путь тотчас, как только Волга освобождается от зимней ледяной коры, достигают места своего назначения совершенно благополучно. В таких сплавах на низ за грузом суда часто сцепляются по нескольку вместе и управляются двумя или тремя рабочими и уж на месте нагрузки запасаются нужным количеством рук.

Плата бурлакам в настоящее время значительно уменьшилась вследствие введения пароходов; прежде же крестьянин, сделавши один путь от Нижнего до Рыбинска, получал столько, что, возвратившись домой, мог уплатить все свои повинности и остальное время года работать на одного себя. Но в нашем благословенном отечестве каждый крестьянин всегда найдет место приложения своего труда, не оставляя своих полей, не покидая семьи, и прекращения бурлачества будет весьма благотельно, ибо часто случается, что русский мужичок, вырабатывающий на Волге кровавым потом деньги, все их истрачивает на Волге же и приходит домой уставший, часто больной и к тому ещё с пустыми руками. Переход от одного ремесла к другому, от старой привычки к новой, будет довольно труден для бурлака, но он совершится не вдруг, не повсеместно и потому без особенных усилий.

Мы засмотрелись на быстро сменяющиеся перед нами виды. задумались под плеск волн, а между тем позади нас природа создала чудное зрелище. Солнце совершает свой отход к ночному отдыху. Вся западная часть небосклона загорелась ярким заревом, от него пурпуровым отблеском озарились земля и вода. Этот отблеск, скользя по разным цветам земных предметов, разнообразно изменяется, представляя чудное для глаз зрелище. Пламенное светило, рассыпая вокруг себя блестящие, но уже не ослепляющие лучи свои, лобзает ими гладкую поверхность реки, готовясь погрузиться в прохладные её волны. В природе всё стихает. Ветер, доселе порывистый, едва возмущает поверхность воды, которая, в свою очередь, также перестает клокотать под умерившим быстроту своего движения судном; в воздухе раздаётся лишь слабый крик жаворонка. высоко взвивающегося к небесам и быстрее стрелы опускающегося вниз; ароматическая прохлада приближающейся ночи несётся от берегов, и широко раскрывается ваша грудь, вдыхая в себя всеми лёгкими эту отрадную, благоухающую свежесть воздуха. В каком-то смешанном глухом полшуме, полудвижении, готовится к отдыху вся природа;

замирают в отдалении тихие мелодии несущейся откуда-то песни, и душа наполняется неизъяснимым блаженством. чудным спокойствием. Вот последние лучи солнца потонули в воде, оставляя за собою лишь зарево раскалённого запада. Вот наконец наступает царство луны и звёзд. Природа засыпает мало-помалу в совершенном безмолвии до новой радостной встречи со своим яр-ким светилом, зажигающим в ней и жизнь и деятельность.

На нашей лодке давно уже опущен парус, и бурлаки, предавши её на волю течения реки, готовят себе ужин. на палубе лодки из трёх— четырёх кирпичей сложена печка; на ней-то и варят они свой непышный ужин, свою саломату, весьма жидкую пшённую кашу с конопляным маслом. Тучи беленьких маленьких мотыльков, которые носят здесь общее название мушкары, кружатся над этой импровизированной печкой и ужином, палят свои крылья, одурманиваются дымом и сотнями падают в воду. Бурлаки окончили свой ужин и совершенно доверчиво ложатся спать, поручая очередному бодрствовать у руля, но и он неисправно исполняет свою обязанность и, завернувшись в свою шубу, дремлет, мурлыкая какую-то песню. Путевые товарищи ваши давно уже спят. Глубокая ночь покрыла всю землю; всё спит вокруг вас, и легкое журчание воды вместе со свежестью воздуха клонит и вас ко сну; но погодите — бодрствуйте: ночь на Волге, среди глубокого сна природы и людей, доставит вам новые наслаждения, познакомит с новыми живыми впечатлениями. Лодка, никем не управляемая, почти не плывет, а только качается на волнах. Полный месяц отражается в воде серебряною полосой. Мрачными громадными привидениями кажутся вам высокие деревья, тёмною бездной — охваченный ночью берег и неосвещённая часть реки. Но вот где-то вдали светит искра огня, среди глубокого кругом мрака — это пробивается свет лучины сквозь маленькое и тусклое окно избы; вон там поднимается белая сельская церковь и колокольня, полуосвещённая месяцем. Глубокая тишина вокруг вас всё спит и безмолвствует. Однако и в этом безмолвии есть какой-то неясный шум, как будто природа ведёт между собою тайную беседу или грезит среди глубокого сна. Но вот вы слышите, откуда-то несутся монотонные мотивы, вот вам слышатся столь же монотонные всплески воды, как будто рассекаемой вёслами. Вдали на горизонте обозначается какая-то движущаяся точка: она всё ближе и ближе к вам, и вы различаете яснее этот простой напев:

Вот раз,
Ещё раз,
Раз первой,

Раз другой,
У-ухнем,
Да ухнем! ...
Вот, ещё, ещё
Раз первой
Раз другой и т. д.

Каждый взмах вёсел сопровождается этим пением, и под его размер ровно двигается лодка, которая вскоре быстро проходит мимо вас. Эта лодка с неумолимыми ни днем, ни ночью гребцами называется бурлацкою: она весьма невелика, может поднять не более 30 или 40 человек без клади и вся наполняется народом. Она снаряжается таким образом: бурлаки-одноземельцы, проводивши какое-нибудь нагруженное судно в Рыбинск или в другую из се-верных пристаней Волги, или даже к какому-нибудь пункту вверх по каналам, чтобы возвратиться домой и дёшево, и скоро, складываются и вместе покупают простую небольшую лодку с мачтой, к которой приделывают рогожный парус. Они плывут вниз большей частью на веслах по очереди и на известные пространства. На всем протяжении Волги есть известные условные места: какой-нибудь большой камень, деревня, коса, поворот реки, на которых сменяются гребцы, и эти места, равно как и расстояния между ними, называют сменами. Но вот скрылась из ваших глаз эта лодка, замолкли в отдалении последние звуки бурлацкой песни, и снова воцарилось прежнее молчание. Изредка разве прокричит коростель, прокрякает кряква, или раздастся вдруг дикий страшный крик какой-то птицы. похожий на плач ребенка или стон взрослого человека, от которого невольно дрожь пробегает по вашим нервам, — и потом снова прежнее безмолвие. Но вот ваше судно, в своем никем не управляемом движении, натолкнулось на другое, стоявшее на якоре и также пущенное на русское «авось». Сильный толчок будит рабочих как на вашей, так и на другой лодке. С криком, бранью и русским неизбежным сарказмом принимаются за весла и шесты, отталкивают лодки одну от другой и, побранившись ещё на расставанье, снова укладываются спать, — и снова кажется вам, что вы одни бодрствуете среди глубокого безмолвия. Но откуда вдруг поднимается какой-то смутный глухой шум, который всё приближается и всё больше растёт? Вдали вы замечаете на воде огненный сноп, движущийся вместе с тёмною огромною массой; эта масса ближе к вам, и вы уже различаете какое-то чудовище, у которого, как рассказывает русская сказка, из ушей дым столбом, из ноздрей пламя пышет и которое с неимоверною силой бьёт по волнам своими мощными лапами и несется прямо на вас. Это гений Волги, это пароход — будущая

сила и могущество нашей огромной реки; но посторонись перед ним наша утлая ладья... С громом и треском, взметая волны, мгновенно пролетело мимо вас чудовище, извергая тучи дыма и тучи искр. «Эка, парень!» — говорит, проснувшийся от шума и протирая глаза, бурлак. — Что и говорить, машина машина и есть, ишь ты!» — Откудова это и чья такая?» — Да, знать, рыбинская!» — И снова наши возницы закутываются в свои тулупы и снова кругом вас всё спит!

Ночная тишина и безмолвие объемлет вашу душу каким-то сладким, восторженным чувством. Но между тем холодные испарения поднимаются от воды и наполняют воздух; дрожь пробегает по вашим членам, и вы завертываетесь в тёплую одежду, но не хотите расстаться с очаровательным зрелищем; сон бежит от ваших глаз. Вам холодно, и, несмотря на начинающийся рассвет, туман скрывает окружающие предметы как бы за густыми складками покрывающего их флёра, и вы невольно обращаете взор свой к востоку, ожидая оттуда и света, и теплоты. Яркая розовая полоса зари обняла весь горизонт; она растет и в длину, и в ширину, она всё ярче и ярче, и предметы все определенные обрисовываются пред вами, выходя из мрака. Заря отражается в Волге, зарумянивая её воду, туман поднимается. Но вот первые лучи солнца блеснули из-за горизонта, яркие, светлые, блестящие. Быстро взбежали они на небо и быстро окунулись в Волгу, мгновенно зажёгши её яркой огненной полосой по всему видимому пространству. И что за чудная жизнь вдруг воскресла и закипела вокруг вас!... Вы затаили пред этим явлением своё дыхание, вы с трепещущим сердцем созерцали его, вы были безмолвны и неподвижны, хотя и бодрствовали. В таком же напряжённом ожидании оставалась и вся природа: и вдруг как будто электрическая искра пробежала по всему существу ее. Вот жаворонок высоко взвился к небесам, и громкая трель его рассыпалась в безмерном пространстве и вслед за тем тысячи разнообразных мелодических напевов чудным хором огласили воздух. Вот откуда-то донеслись до вас однообразные полузаунывные, полувесёлые родные звуки рожка. Вот в двух, в трех местах всплеснулась вокруг вас вода, и сквозь нее блеснула матовая чешуя рыбы, как будто и водное царство искало живительной теплоты и света. Вот легкий ветерок пробежал по зеркальной поверхности Волги, унося с неё ночную дремоту; он задел лёгким крылом своим прибрежный лес, и он как будто вострепнулся от сна и шелестом листьев своих тихо проговорил своё слово в общей утренней песне природы. Тонкая струя дыма поднялась из трубы избы, за ней другая, и вся деревня проснулась пред вашими глаза-ми для новых трудов. А вот

откуда-то издалека долетел до вашего слуха звук колокола, призывающий к утренней молитве, и молитва, сладкая, восторженная, полная искренних слёз и умиления, согревает вашу душу.

Вместе с зарей проснулись и наши гребцы. Лениво растаяли они со своим сном, умыли холодной водой свои лица, положили на восток несколько земных поклонов с тёплой молитвой на устах, посмотрели, может быть, и бессознательно, но равно увлекаемые общим чувством природы, на восходящее солнце, на оживающую природу и снова обратились к своему делу. Но вряд ли бессознательно любовались они прекрасной картиной утренней зари и рассвета. Вот прислушайтесь к этой простой песне, которою они сопровождают свой утренний труд.

— Эй, ребята! верховая: молись Богу, поднимай паруса! — слышится голос лощмана. И десять дюжих рук берутся за веревки, прикрепленные к тяжёлому парусу, и парус, скрипя, равномерно поднимается под песню бурлаков:

Зоренька поднялась,
А я млада поднялась,
Взглянемся вдруг.
Да ух!
Вот не шёл, пошёл —
Да ух! И т. д.

В этом простом припеве к труду гребцов так и слышится нежная ласка их простой души к той природе, которая так близка имя...

И лодка наша снова полетела по течению и попутному ветру, и снова забурлила вода под её носом, и снова замелькали чудные картины волжских берегов. Эти картины под утренним небом, при радостном свете только что взошедшего солнца, ещё очаровательнее, ещё великолепные. — Мимо вас несется деревня с дымящимися трубами, с горящими отражением солнца стёклами окон и ярко блещущим крестом сельской колокольни. По плоскому скату берега, покрытому густой зеленью травы, в картинном беспорядке бродит стадо, жадно поглощая увлажненную росую зелень. Всеми радужными цветами играет солнце, отражаясь в миллионах капель росы, висящих на широких ветвях деревьев. Вся природа как будто улыбается вам; каждая краска её ярче, жизнь её легче и свободнее под влиянием солнечных лучей, ещё только тёплых и живительных, но не палящих. Воздух до такой степени чист и ароматен, что вы не можете достаточно надыхаться им. А Волга? Посмотрите на нее! Впереди и сзади вас на всем видимом пространстве бегут суда, обгоняя друг друга. Все они, освещённые солнцем, с блестящими шпилями, с развеваяющимися

флагами, вооруженные белыми, как снег, парусами, кажутся существами живыми, какими-то чудовищными птицами, которые, распустив свои белые крылья, крепкой грудью своею разрезают упругие волны.

Эти огромные птицы цельными стаями, караванами несутся мимо вас или остаются за вами, производя за собою след на воде, след изменчивый, неверный: он расширяется и мельчает, по мере того как вы удаляетесь, он колышется, играет всеми возможными цветами, описывает огромные круги и... исчезает. Это след жизни славного человека: сначала он глубок и тесен, потом он становится шире, разнообразнее, ярче, но в то же время мельче, и, наконец, эта обширность совершенно поглощает его. Но поверхность воды, изглаживая след, оставленный на ней, уничтожает его совершенно, а след жизни человека, уничтожаясь для глаз, живёт в тысячах других проявлений, в тысяче новых форм!...

Лодка наша, увлекаемая течением и силою ветра, несется всё вперёд и вперёд; вода по-прежнему бурлит под её носом, и гребцы, спокойно разлегшись на палубе, с удовольствием любят на упругонадутый ветром парус, освобождающий их от тяжких трудов. Но между тем солнце высоко вошло уже над горизонтом и сияет во всем своём блеске, хотя и не жжет еще всем жаром лучей своих. Время подвигается к полудню, и жизнь полна движения; наши гребцы, от нечего делать, раза три пообедали. Весело смотреть на природу, когда солнце светит, и тепло, и радостно на небе чистом, ясном, не затемняемом ни одним облачком, когда природа живёт полною жизнью, и человек трудится, не скучая и не тяготясь трудом своим. Но ещё веселее в эту пору дня ехать по Волге, дышать свежим и прохладным, еще не раскаленным от солнца воздухом, любоваться игрою лучей солнечных в голубых волнах воды или быстро сменяющимися береговыми картинками, где уже ясно и отчетливо обрисовывается каждый предмет и каждая краска ярко горит своим собственным цветом.

Но посмотрите вдаль: там виднеется уже Кострома. Вот мало-помалу обрисовываются стены Ипатьевского монастыря с его серебряными главами, этого драгоценного памятника русской славы.

Когда-то давно, во времена моего детства, я имел случай быть в скромном дворце, или, лучше сказать, келии Михаила Феодоровича, и до сих пор не могу забыть того глубокого впечатления, которое произвел он на меня. С особенным участием обегал я эти маленькие уютные комнатки с изразцовыми изукрашенными печами, останавливался и внимательно рассматривал старинные, весьма непышные, с высокою спинкою кресла, стоявшие в одной из комнат дворца, и воображение мое, тогда еще так

пылкое, рисовало мне величавый образ царственного юноши, голосом всей России призываемого на царство, и любящее лицо матери, уступающей сына пользе отечества. Снаружи дворец раскрашен, по старинному обычаю, разноцветными треугольниками в виде шахматной доски. Лет пять или шесть назад он был подновлен. Ипатьевский монастырь построен на берегу Волги, при самом впадении в неё Костромы. Общий вид монастыря с Волги весьма красив; но зрелище становится ещё очаровательнее и величественнее, когда, во время весеннего разлива Волги и Костромы, монастырь бывает окружён водой со всех почти сторон и со своими башнями, бастионами и стенами кажется как бы плавучим замком, построенным на воде. Но вот мы поровнялись и с самой Костромой.

Кострома расположена на левом, луговом, берегу Волги. Главное украшение Костромы, если смотреть на нее с Волги, — это прекрасное, величественное здание собора с его изящною колокольней, позлащёнными главами и высокими каменными стенами, служившими некогда укреплением: построенный на самом высоком и видном месте берега собор Костромской царствует, так сказать, над всем городом. Впрочем, кроме собора, ничто не привлечет вашего внимания на набережной Костромы, хотя вся она покрыта исключительно одними каменными зданиями: вы не увидите здесь той чистоты, того праздничного характера, с которым встречает вас ярославская набережная; один только восточный край Костромы, где берег поднимается уступами и покрыт довольно красивыми зданиями, представляет некоторую картинность. С этой стороны примыкает к Костроме, отделяясь от нее небольшою речкою, Чёрною, Татарская слобода, с принадлежащею к ней рощею, которая также называется Татарскою.

Слобода эта, по наружному виду своему, представляет из себя обыкновенную русскую деревню, с тем только различием, что среди ее изб высится не церковь, увенчанная крестом, но убогая деревянная татарская мечеть. Здесь, в этой слободе, живут истые татары, сохранившие свой народный костюм и язык, хотя и научившиеся довольно чисто говорить по-русски. Промысел мужчин в этой слободе — рыболовство и промен лошадей, а женщин — пряденье и беленье ниток, которые они продают в городе. Любопытен этот бедный обломок целого, некогда мощного народа, обломок, который уцелел и держится, не распространяясь и не уменьшаясь, среди народности, совершенно ему чуждой: замечательно, что в продолжение многих веков этого близкого соседства элемент татарский так свежо сохранился не только в языке и

костюме, но и в быте, в наружности и домашних обычаях. При всём этом татары слободы часто в весьма приятных и беспрестанных отношениях с костромскими горожанами, и вам нередко бы удалось слышать самую задушевную беседу между ними где-нибудь на лавке у ворот постоялого двора или в трактире за тремя парами чаю: и как резко тогда выдается скулистая, большею частью рябоватая, с маленькими глазами и приплюснутым носом, фигура, в белом кафтане, среди открытых, белых, чистых лиц русского человека, обыкновенно в синей одежде. Также резко бросаются в глаза физиономия и оригинальный костюм татарки, свободно прогуливающейся в базарный день на толкучем рынке среди русских торговков. Татарская сосновая роща есть любимое место прогулок костромитян низшего класса.

Быстро, на всех парусах, как говорится, проехали мы мимо Костромы, и разговор наш о татарах кончается уже далеко за городом. Оба берега Волги вниз от Костромы весьма красивы и разнообразны, тем более, что и левый берег теряет уже свой луговой характер, и по преимуществу, напротив, поднимается такими же высокими холмами и часто отвесными песчаными утесами, как и правый. Оба эти берега весьма населены и изобильно покрыты лесом. Деревни, села, усадьбы, леса и пахотные поля, сменяясь весьма часто, очаровательно разнообразят картину, и вы ни на минуту не оторвете от неё ваших глаз.

Но вот на крутом повороте ветер перестал быть попутным, и наши гребцы, опустивши парус, принимаются за длинные весла, которыми действуют, стоя на палубе. Вслед за тем раздаётся неизбежная спутница их трудов — заунывная, нескончаемая песня. Понятна и любезна всякому русскому нехитрая, но искренняя песня народа: прямо из сердца певца вытекает она и льется прямо в душу слушателя. Вот уныла она и грустна, но грустью тихою, спокойною, не ропщущею, не порывистою; вот мелодична и тиха она, как любящее, доброе, близкое к природе сердце, вот молодцевата и удала. как юность, как первые порывы молодой души, и вот проста и безыскусственна, как отражение простой и безыскусственной жизни русского поселенца!... На Волге русская песня принимает особенный характер: она большею частью здесь заунывна, монотонна, напев её всегда почти подлажен под мерный шаг бурлака, идущего бечевой, или под столько же мерный удар весел о поверхность воды. И этот напев так всегда верен и согласен, что бурлаки определяют пройденное ими пространство числом пропетых песен. Любопытно было бы собрать волжские песни; но это не совсем легко: сохраняя один и тот же мотив, бурлацкая песня бесконечно варьируется в словах, потому что

она поётся всегда хором, и певцы, сходясь с разных сторон. из разных губерний, часто или совсем не знают слов песни и только подлаживают свои голоса под общий хор, или знают их отрывочно. отдельными куплетами, и во время самого пения вставляют целые места своего изобретения так, что если бы вы попросили одного из певцов повторить слова песни, только что пропеты, в которой он участвовал, он не мог бы удовлетворить вашему желанию. Некоторые песни так и дышат жизнью, так и кажется, что они не выдуманы, не сочинены, а сложились сами собою, без приготовления, во время самого пения: вот хоть бы эта простая песенка, в которой как будто отражается сожаление бурлака о покинутом им семействе, о разрозненной жизни, которую он ведёт с ним, и желание прекратить наконец это состояние и зажечь снова своим домком:

Пора нам, хозяйюшка,

Завестися домикам:

Купим коровушку,

Коровушка: мык, мык!

Купим мы телушку,

Телушка-то: брык, брык!

Купим лошадушку:

Лошадушка: иго, го, го!

Купим мы гусыню:

Гусыня-то: го, го, го!

Купим мы уточку:

Уточка с носка плоска,

Купим мы курочку:

Курочка по сенюшкам похаживает!

Зернышко по зернышку поклевывает и т. д.

Вообще трудно подслушать слова бурлацкой песни, когда она поется хором, но мотив её говорит об её содержании. И как чудно разносится этот мотив при закате солнца в тишине всей природы, когда всякий звук слышится издалека и сливается с другим в очаровательную гармонию! Много говорит тогда душе эта заунывная, монотонная песня, которую неумолимый труженик Волги облегчает труд свой, и много смысла понимаете вы в одном ее мотиве, хотя и не разбираете слов! ..

Давно уже слушаете вы песню наших гребцов, но она бесконечна. К первой приплетается вторая, за ней следует третья, и вы задумались под эти грустные мотивы, и вам самим становится наконец грустно от них. Вы забылись; но вдруг две холодные капли воды, упавшие одна на вашу руку, другая на козырёк вашей фуражки, пробуждают вас из задумчивости;

машинально поднимаете вы го-лову, смотрите вверх, и новая капля падает уже вам на лицо, а вслед за тем замечаете, что ветер, бывший сначала вам попутным, а потом боковым, совершенно изменил своё направление и дует вам прямо в лицо. Вместе с тем небо покрылось мелкими, но постепенно густеющими облаками, солнце потеряло свою яркость, и капли дождя падают всё чаще и чаще, а ветер крепнет всё более и более.

— Эка вдруг завернуло! — сказал один из гребцов. — А как было, хорошо стояло! Ишь ты!

— Эка парень! — прибавил другой.

— То-то я давно смотрю: стали облачка набегать, да и ветер-то свихнулся сразу; с боку, да в нос! недаром всё обливало.

— Ничего: скоро прочистится!

— Нет, не скоро, а дождик будет авантажный! Взглянь-ко хорошенько на небо! — порешил лоцман. И вслед за тем он, а за ним и гребцы, стали надевать на себя меховые полушубки, единственную защиту русского мужика против холода и против жара, и против дождя.

В самом деле, опытный глаз нашёл бы в небе и на земле что-то такое, предвещавшее обильный и продолжительный дождь. С каждой минутой небо становилось угрюмее, хмурилось, как будто сердилось на что; солнце почти скрыло свои лучи, и дождь поминутно усиливался. Галки стаями перелетали с одного берега на другой, и ласточки со своим визгливым криком шныряли над самой водой. А там, на юго-востоке, откуда дул ветер, небо было особенно мрачно, и как будто вдали раздавались глухие раскаты грома. Дождь уже не позволяет вам больше быть на открытом воздухе. Скройтесь под палубу; вы долго бодрствовали, и там, под тихий, хотя немного и усиленный плеск волн, под слабое качание лодки и мерные удары дождевых капель, вы скоро и сладко уснете. Действительно, сон мгновенно слетел на ваши усталые веки, но вдруг вы пробуждаетесь не более как через четверть часа самого глубокого, приятного сна. Дурно засмоленная крыша вашей лодки не могла больше противиться сильному дождю, и сквозь щели её во многих местах образовались очень тонкие ручейки воды, которые сначала падали как бы нерешительно, капля по капле, и вот наконец заструились с полной решительностью. Один из таких ручейков пришёлся прямо над вашим лицом и самым невежливым образом пролился на галстук; просыпаясь от глубокого сна таким неожиданным образом, вы видите пред собою весьма оживлённую деятельность. Все ваши спутники, вооружившись кто деревянной, кто чайной чашкой, а кто даже простой ложкой, стаканом, или чем-нибудь в этом роде, подставляют их под

беспреданно умножающиеся под вероломной кровлей ручьи воды. Чтобы защитить от них себя и свои вещи, вы видите даже, как один из ваших спутников старается употребить в дело узкогорлую бутылочку, тщетно подставляя её отверстие под прихотливый поток, беспощадно льющийся мимо бутылки к нему на руки. Вы замечаете, вместе с тем, что, когда вы ложились спать, здесь было гораздо светлее, и что в короткое время вашего сна вдруг смерклось. Но вот вдруг блеснула молния, и почти одновременно с ней раздался удар грома, вслед за тем в кровлю вашу еще сильнее стал бить дождь, а вместе с тем увеличилась и течь сквозь неё, и вы, завернувшись в шинель, спешите вон из этой бесполезной защиты. Ко как быстро и страшно переменялись декорации в продолжение вашего сна! Почти вся юго-восточная половина неба покрылась тем мрачным темно-синим или почти чёрным облаком, которое за полчаса назад только выплывало ещё из-под горизонта. Остальная часть неба менее мрачна, но почти сплошь покрыта мелкими, густыми, постоянно сплывающимися между собою или прилипающими к чёрной массе облаками. Из этой массы вылетают молнии: иные из них мгновенно скрываются в ближайшем облаке, иные вьются зигзагами в самой тьме массы, иные, быстро прокатившись спиралью в пространстве между тучей и землёй, падают в Волгу, и, кажется, слышишь шипение от потухающего в волнах пламени. Заметно было, что туча двигалась боком по правому берегу Волги, несмотря на то, что направление ветра требовало прямого движения, вдоль реки и на левый берег её; но как будто какая-то непреодолимая сила сдерживала тучу, как будто гений её и гений Волги вступили в борьбу между собою и последний не пускал первого в свои пределы. Солнце скрылось. Темнота сделалась такая, какая бывает в самые поздние сумерки, при самом облачном небе, хотя до сумерек ещё было далеко. Дождь падал частыми, крупными капля-ми, как говорится, лил из ведра, усиливаясь после каждого удара грома и ослабевая пред ним. Сквозь этот дождь берега Волги представлялись как будто прикрытыми тёмным газом и ещё сверх того самой частой сеткой. Самая река, в которую беспреданно падали новые и новые капли дождя, возмущая её поверхность, между тем как порывы сильного ветра вздымали на ней белые, клубящиеся пеной валы, барашки, по местному выражению, — река издавала какой-то глухой, неопределённый шум, как будто выражая внутреннее негодование своё и готовность вступить в отчаянную борьбу. с каждой минутой буря усиливается. При самом появлении своём на палубе лодки вы ещё видели некоторые суда, обрадованные попутным ветром и с поднятыми парусами бегущие к вам

навстречу; но прихотливое, беспрестанно изменяющиеся, порывистое направление ветра и постоянно усиливающаяся буря пугает их, и они робко опускают свои крылья и жмутся к берегу, выбирая удобное место чтобы причалить и переждать непогоду. Но вот какая-то дерзкая лодка, не больше вашей, несется быстро, лавируя по ветру.

— Что он, о двух, что ли, головах? — замечает наш лоцман, хотя сам тоже еще не бросил якоря.

И в самом деле смелое судно подвергалось опасности. Ветер легко играл его парусом и вдруг при неожиданном порыве с такой силою ударил в парус, что плохие веревки, привязывавшие его к борту, перервались в двух или трёх местах, и лодку быстро повернуло на бок, а парус заколыхался и забился в воздухе трепетно и неровно, как раненая птица своими крыльями. Борт лодки был почти наравне с водой, и жадная волна просилась за него. Все находившиеся в лодке бросились сначала удерживать, потом опускать паруса и рады были, когда, после многих общих усилий, успели пристать к берегу.

— Не говорил ли я? — с самодовольной улыбкою спрашивает наш лоцман, указывая на спасшуюся лодку.

— А не остановиться ли и нам? — спрашиваем мы его в свою очередь.

— Ничего, нам в упор дует! — отвечает он самонадеянно.

Но сейчас только испуганные чужою опасностью и ободренные нашим предложением поднимаются изнутри лодки тонкие, визгливые голоса наших спутниц, умоляющие остановиться. После нескольких возражений наш лоцман наконец соглашается, тем более, что приближается ночь, а буря, кажется, не стихает. Наша лодка останавливается у небольшого перелеска, который сбегает по горе прямо к берегу. За этим леском виднеется небольшая деревенька, расположенная на самой вершине горы.

Смеркается, темнеет ещё более. Буря ревет все сильнее; удары молний и грома чаще, ярче и громче, дождь хлещет на вас, как из ведра, и уже тщетны все предосторожности, чтобы остановить вторжение его под палубу, лодка хоть и у берега и на якоря, но не совсем вне опасности. Посмотрите, валы поднимаются всё выше и выше стеною, ветер может сорвать лодку с якоря, так не лучше ли вам попросить на бурную ночь убежища в ближайшей деревушке, благо встретилась она так кстати. Там примут вас радушно, уступят самый тёплый угол, накормят чем Бог послал и если возьмут за гостеприимство какой-нибудь гривенник, то разве только в знак благодарности, а не как плату. Но только помните, что если вы, согретые тёплой избой крестьянина, крепко уснете и не

явитесь вовремя, а между тем буря утихнет, появится солнце и подует попутный ветер, то вас не станут дожидаться и не дадут вам знать, но уедут, не спросивши даже о вас. Если же вы случайно позабудете какую-нибудь вещь, и лоцман лодки знает, кто вы, или, по крайней мере, где можно вас найти, то не бойтесь: при первом удобном случае эта вещь будет вам доставлена. Не считайте также большой потерей и того, что ваша лодка уедет без вас; чрез полчаса появится другая, и, если услышит ваш крик с берега и поймёт его, и притом если бег её не очень скор, с удовольствием пришлет за вами свой маленький челночок или завозёнку и примет вас на свою палубу. Итак, смело ступайте ночевать в ближайшую деревеньку.

Видали ли вы вблизи крестьянскую избу небогатой приволжской деревни Костромской губернии? Вглядитесь в неё. Нехитра и небогата её наружность: сложенная из толстых бревен, покрытая соломой, иногда с чёрною печью, она только тремя маленькими окошечками, в которые с трудом пролезет курица, смотрит на мир Божий. С одной стороны, обыкновенно левой, примыкает к ней крытый соломою двор, с другой — незатейливое, почти совсем открытое крылечко, которое зимой заносит снегом. Но не думайте, чтобы за этими стенами скрывалась совершенная нищета, напротив: большею частью вы встретите там мирное довольство и спокойную жизнь. Причина вся тут в том, что наш крестьянин не любит выходить из быта, в котором жил его отец и дед, и часто в подобной избушке живёт такой мужичок, у которого по Волге ходит одна или две расшивы.

Постучитесь в окно ближайшей избы.

— Ась! Кто тута? — спрашивает вас женский голос сквозь отодвинутую половину окна.

Вы просите ночлега. Вам отвечают односложным «ну!», и вслед за тем окошечко тотчас затворяется. В этом односложном звуке у наших крестьян заключается много смыслов, смотря по тому, как оно сказано. Это «ну!», выражает иногда ласку, привет, участие, в другой раз — совершенное равнодушие, иногда даже презрение, негодование. Но на этот раз оно так сказано, что вы смело можете войти в избу. По шаткой; лестнице крылечка вы входите в сени, оттуда налево низкая дверь в избу, а если мужичок зажиточен, то направо должна быть такая же низкая дверь в чулан или комнатку, где стоят кросна или стан с основной полотна или миткаля и другие хозяйственные принадлежности и где вам, вероятно, как гостю укажут летом ночлег прохладный, но полный мух и им подобных неприятных насекомых. Эта комнатка называется сенником.

Вы должны как можно ниже наклоняться, чтобы пройти в дверь избы и потом ещё несколько шагов идти, не разгибая спины, потому что иначе ударитесь головой в полати, которые находятся на аршин или на три четверти от потолка и тянутся над самым входом от печи до противоположной стены. Нехитро и внутреннее убранство, и устройство крестьянской избышки. По всем четырём стенам её тянутся широкие лавки. Параллельно с ними и в таком же расстоянии от потолка, как полати, расположены широкие же полки. На этих полках помещается почти весь домашний скарб крестьянина, на них же в котором-нибудь из передних углов поставлен вверх ногами единственный стол, снимаемый оттуда только в случае действительной в нём необходимости, как, например, для обеда, ужина, — и то не всегда. Направо от входа, как вы уже заметили, помещается печка и занимает более четверти всей избы. С наружной стороны печи, рядом с лесенкой на неё, прислонена маленькая деревянная пристройка с дверцами, голубец, который служит чем-то вроде подвала или погреба. Недалеко от печки под рукой у стряпающей хозяйки маленький шкафчик, где и хранится вся несложная и немногочисленная кухонная посуда: две деревянные чашки, десяток ложек и два или три ножа. Против печки, направо же, в уровень с полками, делаются ещё одни маленькие палатки, на которых помещаются остальные принадлежности деревенского хозяйства: горшки, чугуны, плошки, в которых пекут хлебы, и т.п. В левом, главном, углу, как водится, прибито тябло с тремя образами без киотов и окладов, но пред ними теплится теперь, ради грозы маленькая, жёлтого воску, свеча, и каждый день, может быть, льётся самая усердная, самая горячая молитва. Вот деревенская небогатая изба Костромской губернии со всеми её атрибутами. Конечно, в ней нет ничего похожего на те хорошенькие, почти городские и часто каменные дома, которые вы видели, проезжая по Волге, в некоторых богатых селах, хоть бы, например, в Овсяниках, Ярославской губернии: там вы найдёте несколько чистых, обитых обоями комнат, с окнами довольно большого размера и с модными во всю раму стеклами; там вам подадут чистый большой самовар и сносный для села чайный прибор, там, пожалуй, сделают вам несколько блюд, конечно, не очень гастрономических, но зато там вы должны будете за все это заплатить втридорога и, может быть, встретите неучтивость, а здесь вас накормят и напоят всем, что есть, что Бог послал, приласкают, приглубят, как умеют, и, может быть, даже обидятся, если вы станете платить. Что же лучше?... Всякому своё!...

Если бы вы вошли в эту бедную избушку в ясный летний день поутру или в полдень, или, одним словом, пока ещё светло, вы никого бы в ней не нашли, кроме разве одной дряхлой старухи, которая, не сходя с печи, доживает остаток мирной жизни своей; все остальные члены семьи в поле на работе или где-нибудь подальше. Как только смеркнется и работать сделается неудобно, вся семья возвращается домой и, поужинав вареными грибами, особенно в урожайный на них год, ложится спать, не зажигая огня, чтобы завтра встать на работу ещё до зари. Зимой совсем иначе: тогда вся семья почти не выходит из избы, зажигает огонь ещё в третьем часу по полудни и усаживается за работу: старик ковырять лапоть, а молодые парни и бабы прясть пряжу. Эта вечерняя работа большей частью происходит тихо, безмолвно, так что в избе только и слышно, что треск горящей лучины, воткнутой в железный светец, да визг быстро крутящегося веретена, да разве плач ребёнка в люльке, качаемой ногою одной из прях. Впрочем, иногда это молчание или эта вялая беседа оживляется песней или даже превращается в нескончаемую болтовню и смех, если в избу забегут на посиделки две—три чужие девки или забредёт какой-нибудь разговорчивый гуляка-парень.

В настоящее время, хоть и лето, но по случаю непогоды в избе картина почти зимнего времени. Принужденный дождём и бурей рано кончить свою полевую работу мужичок поневоле зажёт лучину и принялся починять сети, а бабы хлопотать по своему домашнему хозяйству. При вашем входе оказалась жизнь и движение на полатах: оттуда свесилось несколько маленьких головок, которые лукаво переглядываются, кивая на вас.

— Здравствуйте, православные!

— Здорово, голубчик! — и вам уступают безмолвно передний угол, и если вы неразговорчивы или не расположены говорить, так же безмолвно или самыми короткими фразами предложат вам ужин, уложат вас спать и назавтра простятся, не спросивши дал кто вы и как к ним попали. Но если, напротив, вы разговорчики, любезны, если лицо ваше доброе, речь простая и вообще вы располагаете к откровенной беседе, то мужичок с вами охотно стане калякать, хоть целый вечер. И вы, конечно, воспользуетесь этим

— Эка погода! Спасибо что пустили, добрые люди.

— Ну! нешто мы жиды, что ли? Ведь крещёные, чай. А уж не говори: эка воля Божья! Кажись экой давно не бывало!

— Да, а вот мне на Волге было привелось ночевать в этакую-то бурю.

— Что ты, родимый, уж какое теперь дело на Волге! Теперь бурлачникам-голубчикам, так и тем, чай, туго пришлось — отозвалась старуха хозяйка. Не хошь ли, родной, поись чего?

— Нет, тётушка, а вот нельзя ли бы как самоварчик промыслить: промок весь!

— Нету, батюшка, какой у нас самовар! На селе, вон, есть у попа, да далеко идти-то в эку власть Божию! А вот, родимый, яишенки не хошь ли спеку, или молочка твоей милости?

Вы изъявляете согласие, и старуха быстро приводит в исполнение ваше желание, распоряжаясь двумя молодыми женщинами, вероятно, своими невестками. Между тем вы обращаетесь к старику.

— Что, любезный, видно, рыболовством промышляете?

— Нет, кормилец! Не то, чтобы промышляю, а так, знашь, по своей охоте, иной раз по праздникам подуришь маленько!

— А много у вас рыбы? — Какое, батюшка, много! С кажинным годом всё меньше, плох нынече становится лов.

— Что же, разве прежде лучше был?

— Как же не лучше, кормилец! Как припомнишь, лет десятка за полтора или за два: стерляди-то, бывало, ни но что. По полтине продавали в городе полуаршинных. А лещей, судаков, шук и говорить нечего: такие выпадали, что ну! А ныне что? Совсем стерлядей нет в город иной раз поедешь, по двугривенному да по четвертаку четвертных продают, а полуаршинных и по два целковых, и по три! Да что: нынче уж и ярославские рыбаки индо до Юрьевца съездят скупать рыбу-то. Да и вся рыба стала дороже, всякой рыбы стало меньше!

— Отчего же это, старичок?

— Отчего? Кто знает власть — волю Господню? Разве можно человеку её произойти? Сам ты знаешь, кормилец. А вестимо, и то сказать: не мудрено и перевестися рыбе!...

— Почему же это, дружок?

Вы замечаете, что мужичок скрывает какую-то заднюю мысль, которую не решается высказать.

— Как почему? Если рассудить по глупому человеческому разуму, хоть бы эти машины... нечистое дело... бусурманское!...

— Что же такое?

— Как что? Вот ты ехал по Волге, так, чай, видел её, ну, что идёт? Будто путно идет? Ни людей, ни вёсел, ни паруса не видно, а бежит! Словно, нечистый, прости Господи, сидит внутри: дым вальмя валит,

искры так и сыплются, какая-то колеса вертятся, точно по земле едет, тут хоть уши затыкай. Не мудрено рыбе разбежаться!...

— Да ведь ты говоришь, старик, что рыбы стало меньше десятка полтора лет назад.

— Да, батюшка. Вестимо, прежде больше было!

— А ведь машины-то всего лет шесть стали ходить?...

— Ну, да уж оно все так к умаленью шло! Видно, власть Божья такая! А вы, батюшка, из посадских, что ли?

Этот вопрос — начало вашего сближения, и вы должны отвечать определённо.

— А это, старик, невестки твои, что ли?

— Вестимо, кормилец!

— Где же сыновья-то?

— А один в Питер по весне ушёл, разнощичает там, а другой в бурлаках ходит.

— Что же выгоднее?

— Ну, известно, батюшка, в Питере другое дело совсем! Такое ли дело в Питере, как на Волге? Совсем не то положение: ныне и бурлацкое дело последнее.

— Отчего же ты обоих их не посылаешь в Питер?

— Да уж так, батюшка, как-то по привычке, что ли, малому-те? Сыздавна уж привычку такую взял.

— Ну, а зимой-то что же делаете? Промысла нет в вашей стороне никакого?

— Как, родной, не быть! Зимой прядем, бабы полотно ткут, миткали. А вон верст пять — десять подальше, там лесная сторона, так там горшки жгут, посуду деревянную делают, — ну, берденщики есть, кто дёготь гонит. Ты говори: тоже ведь всякой пить, ись хочет: надо копейку зашибить, а где ее возьмёшь, сложа-то руки?

Но в это время разговор ваш прерывается приготовленным для вас ужином, а потом разостланная на полотах шуба предлагает вам себя вместо мягкого ложа, и ваша усталость не пренебрегает ею: вы ложитесь, под вой ветра, запутавшегося в трубе печки, под шум дождя, глухо стучащего в соломенную кровлю, скоро и крепко засыпаете, изредка только инстинктивно вздрагивая при сильном ударе грома.

Крепок ваш сон, но непродолжителен. Тысячи мелких, пре. зренных, но тем не менее самых неуступчивых врагов, разбудят вас вместе с первыми лучами солнца. Быстро слезаете вы с полатей вниз и никого не находите в избе. Удивляясь доверчивости крестьян, вы спешите взглянуть

в маленькое окошечко и видите, к своему особенному удовольствию, что погода совершенно прояснилась и ваша лодка еще не отчалила. Выходя из избы, вы внимательно осматриваетесь, надеясь встретить кого-нибудь из хозяев, чтобы сказать им спасибо, за их радушие, но видите только одного мальчишку, который голыми своими ножонками бродит в луже, образованной вчерашним дождём.

— Мальчик, ты не из этой ли избы?

— Да. А тебе на што? — спрашивает он вас, полуотворачиваясь и прикрываясь спущенным рукавом своей рубашки.

— А где твой тятя или мама?

— Все на поле. А тебе на што?

— На, вот отдай им эту денгу: они тебе купят пряник. Мальчик нерешительно смотрит на вас, утирая рукавом нос.

— Что же нс берёшь: возьми, дурачок.

Мальчишка с весёлой улыбкой, но всё ещё нерешительно любитесь на блестящую монету, потом быстро вырывает её из ваших рук и, забрызгавши вас грязью, с громким смехом, выскакивает из лужи и бежит к другому мальчишке, также единственному хозяину соседнего дома, показывать подарок.

Вы смотрите на небо, на Волгу, на землю и не верите глазам своим: нет и следа вчерашней бури, только потемневшие песчаные прежде светло-жёлтые, берега да крупные капли воды, дрожащие на деревьях и играющие всеми радужными цветами, да мокрый ещё парус мимо плывущего судна напоминают о вчерашнем дожде. Но зато солнце смотрит на вас как-то ярче, воздух, вдыхаемый вами, несравненно благо-воннее, пение птиц веселее и благозвучнее, деревья зеленее, самая Волга течёт как будто горделивее, торжествуя одержанную над враждебной стихией победу. Чудное зрелище представляет вам Волга, когда вы любуетесь на неё с высокого крутого её берега: противоположный берег, видимый на огромное пространство, в одну общую картину сливает разнообразные виды, расположенные во всю длину его. Волга медленно и плавно течет под самыми вашими ногами, вдали сливаясь с горизонтом; тысячи разнообразных судов бороздят её в разных направлениях, составляя нею нечто целое, живущее одною жизнью, и мысль теряется в этом огромном видимом пространстве, и думаешь видеть пред собою чудо или обман зрения. Дивная, великолепная Волга, как не любить тебя!

И вот вы опять мчитесь по её гладкому спокойному лону, и снова попутный ветер надувает ваш парус, опытный лоцман обещает к полудню приехать в Кинешму, если не изменится ветер.

Вот, посмотрите, направо виднеется заштатный городок — Плѣс. Как красив он! Множество разнообразных деревянных домиков, и между ними два или три большие каменные, расположенные у подошвы высокой горы, а на самой вершине этой горы высятся Божии храмы, вознося свои кресты к самому небу. Вся эта картина окружена вместо рамы густым тѣмным лесом. В этом городке есть жизнь, движение; небольшая пристань доказывает, что он ведѣт торговые обороты хлебом.

Верстах в тридцати от Кинешмы есть несколько мелей, гряд и больших подводных кряжей. Пѣстрый столб с флагом на берегу и несколько плавающих по поверхности воды бочек указывают эти места и самые глубокие фарватеры реки. Если лоцман ваш опытен, то он легко проведѣт вашу лодку, в противном случае, она непременно ударится о камень или засядет на мель, и это может быть опасно в той мере, как быстро будет ход лодки; если она бежала с парусом, то немудрено, что проломит при ударе своё дно и что в нём образуется течь; или же вы будете должны испытать неудовольствие пробыть часа два на одном и том же месте, слушая неистовые крики, брань и видя нечеловеческие усилия ваших гребцов, по пояс залезших в воду, чтобы столкнуть судно. Но хотя ваш лоцман и опытен, тем более он считает не лишним опустить паруса и посадить на нос лодки одного из гребцов с наметкой в руках. Наметка эта — жердь длиною сажени в полторы, на которой в разных расстояниях навязаны веревки, она заменяет для нашей лодки морской лот. Итак благополучно переправились через эти мели, снова подняли парус и пустились в путь со скоростью ветра. Далее, за этими мелями, вы замечаете, что на том и другом берегу количество помещичьих усадеб увеличивается по мере приближения к городу; все они, с их выкрашенными дикой краской домами, украшенными неизбежными колоннами, балконами и мезонинами, с белыми трубами и красными крышами, картинно расположены на берегу и как бы готовят вас ко встрече с городом. А вот, наконец, на некрутом, дугообразном повороте реки виднеется и сама Кинешма — цель нашего путешествия.